

Т.Л. Сухотина-Толстая

Дневник

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Т11

T11   **Т.Л. Сухотина-Толстая**
Дневник / Т.Л. Сухотина-Толстая – М.: Книга по Требованию, 2023. – 362 с.

ISBN 978-5-4241-3144-8

Старшая дочь Л. Н. Толстого начала вести дневник с четырнадцати лет и вела его всю жизнь. Своебразная, интересная жизнь дома Толстых нашла отражение в дневнике Татьяны Львовны.

ISBN 978-5-4241-3144-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023
© Т.Л. Сухотина-Толстая, 2023

Татьяна Львовна Сухотина-
Толстая
Дневник

От составителя

Татьяна Львовна Сухотина-Толстая вела Дневник с четырнадцати лет: первая запись сделана ею 28 октября 1878 года в Ясной Поляне,¹ последняя — 13 декабря 1932 года в Риме.² И за эти пятьдесят четыре года через все записи проходит любовь старшей дочери к отцу и ответное его чувство. «За всю мою жизнь то особенно сильное чувство любви и благоговения, которое я испытывала к отцу, — писала Татьяна Львовна, — никогда не ослабевало. И по тому, что я сама помню, и по тому, что мне рассказывали, и он особенно нежно всегда ко мне относился ».³ Дневник ее, писанный о себе и для себя, проигрывает иногда в полноте и обстоятельности, много выигрывает в искренности и непосредственности. «Если кто-нибудь, когда-нибудь прочтет мой дневник, — заносит она на страницы своей тетради 29 мая 1882 года, — то не осуждайте меня, что я пишу такой вздор и так несвязно. Я пишу все то, что мне только в голову приходит, и искренне надеюсь, что никто, никогда его не прочтет».

Как хорошо, что это не сбылось! Дневник ее много дает читателю для постижения эпохи, среды, быта семьи Толстых и, конечно, главное, сведения, о самом гениальном писателе. Не говоря уж о том, что письма, им написанные, ряд событий, приезды его, отъезды — точно и правильно датируются на основании ее свидетельств.

За первые годы Дневник ее написан по-детски, кратко. О Толстом всего восемнадцать упоминаний, но и они характерны: Лев Николаевич еще страстный охотник, сторонится «светских» знакомых Софьи Андреевны в Туле, «не любит лекарств и никогда, ничем не лечится».⁴

Внутренняя, душевная жизнь отца пока еще незаметна для пятнадцатилетней дочери его.

Дневник молодости более обширен; внимание се главным образом сосредоточено на личной жизни: светских развлечениях, веселье, небольших романах. Но в ней уже постепенно, неуклонно, вполне осознанно начинается внутреннее сближение с отцом, тот процесс, который так искренне отражен на страницах Дневника.

Еще в 1909—1915 годах первый биограф Л. Н. Толстого — П. И. Бирюков, как он пишет в своем предисловии к третьему тому биографии писателя, включил (с разрешения Татьяны Львовны) большие выдержки из ее Дневника (описание, работы с отцом «на голода», поездку в Петербург к Победоносцеву) в свою книгу, которая вышла в 1921 году на русском языке в Берлине в издательстве И. П. Ладыжникова, а через год была переиздана в Москве.⁵ Немного позднее описание ее встречи с Победоносцевым перепечатано в кн.: «Толстой. Памятники творчества и жизни. 3». М., 1923, с. 62—72.

Вскоре после смерти Татьяны Львовны (она скончалась в Риме 21 сентября 1950 года) Дневник был издан отдельной книгой (не целиком):

- 1) на английском языке в Лондоне, 1950, изд-во Harwill Press.
- 2) тоже на английском языке, в Нью-Йорке, 1951: «The Tolstoy home. Diaries of T. Sukhotin-Tolstoy». Columbia University Press.
- 3) на французском языке с предисловием Андрэ Моруа в 1953 г. Tatiana Tolstoi: Journal. Изд-во Plon. Paris.

В предисловии (стр. X) А. Моруа писал: «Т. Л. Сухотина-Толстая, из скромности, никогда не собиралась печатать свой дневник, начатый ею в 14 лет. Один из ее друзей, писатель и философ,⁶ прочитал случайно ее дневник и стал наставлять на его издании. Она согласилась, потому что главным делом своей жизни считала сохранение и распространение идей отца. А Дневник мог этому способствовать. Но она робела и смущалась при мысли, что все будут читать то, что она писала для себя одной».

На русском языке Дневник Т. Л. Сухотиной-Толстой отдельным изданием не выходил ни разу. Выдержки из него Н. Н. Гусев включил в IV том своей биографии Толстого⁷ и пользовался им в работе над «Летописью жизни и творчества Л. Н. Толстого».⁸

Отрывки из дневника Татьяны Львовны, начиная с 1970-х годов, стали появляться в газетах и в журнале «Новый мир».⁹ Наиболее полная сводка всех предыдущих публикаций — в книге: Сухотина-Толстая Т. Л. «Воспоминания», М., «Художественная литература», 1976, с. 167–240.

В настоящем издании Дневник Т. Л. Сухотиной-Толстой печатается по хранящимся в Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве подлинным тетрадям. Их всего двадцать семь: три хранились в Архиве Музея с 1925 года, когда она уехала за границу, остальные двадцать четыре переданы в дар Татьяной Михайловной Альбертини, рожд. Сухотиной, — дочерью Татьяны Львовны, живущей с семьей в Риме.

Дневники Т. Л. Толстой за 1878–1910 годы печатаются с небольшими сокращениями, которые были намечены ею самой. Вторая часть Дневника (1911–1932), когда Л. Н. Толстого уже не было в живых, вошла в настоящую книгу частично, поскольку там есть интересные данные о жизни и творчестве великого писателя.

Считаю приятным долгом принести глубокую благодарность старшему научному сотруднику Государственного музея Л. Н. Толстого, кандидату наук, Эвелине Ефимовне Зайденшнур, которая пятьдесят четыре года плодотворно работает над изучением наследия Л. Н. Толстого. Ее дружеские советы и указания немало помогли мне в работе над Дневником Татьяны Львовны. Ряд сведений о крестьянах я получила летом 1965 года в деревне Ясная Поляна от В. С. Ляпуновой, которая полжизни прожила в семье Толстых и умерла в преклонном возрасте в Ясной Поляне.

Сотрудники Отдела Фондов ГМТ — О.Е.Ершова, Т. К. Поповкина и И. В. Ильинкова — отобрали для Дневника интересные фотографии и помогли мне в датировке их; приношу им мою глубокую благодарность.

В издании сохранена стилистика и орфография автора дневника.

Т. Волкова

ДНЕВНИК

Я прожила невероятно, незаслужено счастливую и интересную жизнь. И удачливую.

Толстая Т. Л. Запись в «Дневнике» 13 декабря 1932 года

1878

28 октября. Суббота.

Нынче я не ходила гулять, потому что у меня шишка в горле. Мама говорит, что ее надо вырезать, когда мы поедем в Москву после Рождества.

У нас есть два осла. Мы на них ездим каждый день. Вперед они всегда идут шагом, а назад, если погнать, то они скачут галопом. Одного зовут Бисмарк, а другого Мак-Магон^{1,10}

Нынче шел град, а снега нет и не было. Папа говорит, что он не помнит года, когда бы в этот день не было снега.

У меня гувернантка m-lle Gachet, а у Маши — Annie англичанка, у мальчиков m-r Nief, а у Андрюши няня. Еще у нас русский учитель Василий Иванович. Он живет во флигеле с женой Елизаветой Александровной, сыном Колюшкой (ему год и 2 месяца); у него же живет падчерица восьми лет Лиза. Она ходит к маме каждый день учиться по-французски. Жена m-r Nief тоже намеревается приехать сюда; m-r Nief уже нанял избушку для нее и для своего мальчика.

Еще к нам приезжают вот какие учителя: учитель рисования Василий Тимофеевич — он маленький, горбатый. Потом учитель греческого — Ульянинский, священник, учитель музыки Александр Григорьевич, немка — Амалия Федоровна.

12 ноября. Воскресенье.

Нынче мы ездили к баронам². В семь часов были там у них. Было очень весело. Когда мы приехали, были у них только барон Боде и какие-то маленькие девочки. Мы сначала играли в жмурки, но потом пришли Кислинские.

Коля стал играть. Он отлично играет, но фортепиано у Дельвиг плохое, и маленькие ужасно шумели, так что ничего почти не было слышно. Он играл из оперы «Lucia di Lammermoor» и много сонат Бетховена. Потом мы танцевали вальс. Я танцевала с Колей. Пока мы танцевали, он спросил у меня, танцуя ли я [кадриль]. Я сказала, что да, но потом я вспомнила, что это значит, и ответила, что нет. Тогда он меня пригласил на кадриль. Первую кадриль я с ним танцевала, а вторую с Антоном, а вальс со всеми, даже со всеми барышнями.

Варя Кисливская послала за костюмами, чтобы представлять живые картины, но было мало времени; мы так и оставили. Бедный Артурочка болен, мы его не видали. Мне ужасно не хотелось уезжать, но делать было нечего: Андрюша уж и так четыре часа не сосал грудь. Потом мы со всеми простились и уехали. Было очень темно и грязно. Мы купили фонарь, чтобы освещать дорогу, но он не понадобился. Папа вышел к нам навстречу.

13 ноября. 1878 года. Понедельник

Нынче довольно скучный день. Я уроки очень дурно подготовила, а священнику так плохо, что ужас!

Учитель музыки привез скрипку, и он играл, а Сережа аккомпанировал; но он путается, потому что не считает, и не очень хорошо вышло. Кажется, играли они сонату Гайдна. Вечером папа играл с Александром Григорьевичем.

Утром было пошел снег, да перестал, и опять ужасная грязь. Я оттого дурно училась, потому что все читала комедии графа Соллогуба и выбирала, что бы нам играть. Мама выбрала одну: «Мастерская русского живописца», очень смешная и миленькая. Мы с Дельвигами про это поговорим, когда они приедут, и тогда мы выберем еще какой-нибудь водевиль. Они обещали нам привезти еще целую кипу разных водевилей. Если будет мало нас и Дельвигов, то мама хотела пригласить Николая Львовича Боде играть с нами, если папа позволит. Мама даже говорила, что хорошо бы пригласить Колю Кислинского; я бы была очень рада, но потом об этом не было больше речи. Жалко!

Верно, Дельвиги будут в воскресенье, они так говорили. Мы нынче с мама рассуждали, что отчего, когда мы у них, то они так устроят, что всем весело, а что когда они у нас, то мне всегда кажется, что им скучно.

Мне нынче не совсем здоровится, но, верно, это скоро пройдет. У бедной Нади болели зубы; дай бог, чтобы они прошли до воскресенья.

Вот папа и Александр Григорьевич играют! Я бы желала знать, на всех ли музыка так действует, как на меня? Мама еще говорила как-то, что ей кажется, что я не понимаю и не люблю музыки. Неужели другие могут любить ее больше меня? Когда играют, то на меня такое находит тяжелое и вместе с тем приятное чувство. Я думаю, что я оттого люблю Колю, потому что он так играет. Когда он играл, я не понимаю, как все могли так равнодушно говорить о посторонних вещах.

Ну вот, кажется, теперь больше нечего писать про нынешний день, пойду слушать музыку в зал.

Папа нынче ездил на охоту, затравил шесть зайцев и видел двух лисиц.

14 ноября. Вторник.

Нынче день рождения наследницы Марии Федоровны, но мы все-таки учимся. После завтрака приехал князь Оболенский. Его жена и дети в Крыму, и он от скуки второй раз к нам заезжает. Мама все сидела с ним, и мы оттого пропустили с ней урок истории. Я этому очень рада, потому что я ничего не подготовила. Папа был на охоте и принес лисицу, которую он застрелил очень близко.

Я знала, что когда мама побывает в Туле и увидит всех наших знакомых, то ей захочется всех почти их к нам пригласить; но папа этого не любит и все как-то неохотно соглашается.

Кто-нибудь да, наверное, будет с нами играть театр из гимназистов. Мама думает, что Колю Кислинского не отпустит мать, но, может быть, хоть не одного, а с баронами его отпустят к нам.

Вот мы все сидим и пишем дневники: т. е. Илья, я, и мама послала Лёлю принести свой. Леля начал, но у него не идет, и он бросил.

Смотрели картинки, которые были назначены для «Войны и мира», папашиного сочинения, но их не поместили, потому что это стоило бы слишком дорого³. Ходили гулять, но не ездили на ослах, хотя был мой и Машин черед ездить.

15 ноября. Среда.

Опять ничего не делала, все с Сережей мечтали про то, как мы будем жить в Москве через два года. Илью за обедом побрали за то, что он дурно учится.

Папа был на охоте с борзыми и затравил трех зайцев и лисицу. Мы нынче считали, сколько папа нынешней осенью затравил: вышло с нынешними 55 ровно и лисиц 10.

16 ноября. Четверг.

Приезжала Амалия Федоровна, мы с ней учились по-немецки. Мне она поставила 4.

17 ноября. Пятница.

Илья очень дурно себя вел, и перед обедом m-r Nief за что-то его побранил, а он взял мокрую губку и хотел бросить в него, но побоялся. Тогда Лёлька говорит: «Брось! Ведь он тебя за это не убьет!» Илья взял и бросил губкою прямо в лицо m-r Nief. Его за это оставили без обеда.

18 ноября. Суббота.

Приехал после обеда учитель рисования. Он привез мне головку, которую он сам нарисовал. Очень хорошо. Я бы хотела выучиться, чтобы когда-нибудь так рисовать.

Получила письмо от Розы Дельвиг, что они все больны и не могут приехать. Какие скучные!

19 ноября. Воскресенье.

Утром рисовали. Потом поехали смотреть императора — мальчики в Ясенки, а мы едем кататься по шоссе: Лёля и я верхами, а m-lle Gachet с Машей в тележке; m-lle Gachet сама правила. Лёля ужасно несносный: как мы немного поскорее поедем, он сейчас кричит: «Ай, потише, потише!»

Я хочу выучить вальс и польку какие-нибудь, чтобы когда у нас гости и мы танцуем, я бы тоже могла играть, а то все время Надя Дельвиг должна играть. Ведь ей тоже хочется танцевать.

Вечером прибежала Лиза, и мы танцевали. Мальчики императора не видали, а видели только поваров⁴.

20 ноября. Понедельник.

Приезжал Александр Григорьевич, очень в духе: все хохотал. Привез письмо от Нади Дельвиг. Они все больны и оттого не приехали вчера и завтра тоже не приедут. Еще получила письмо от Андрюши Дельвиг: «Таня, я тебя люблю!» Коротко и ясно.

Я ему послала букет и написала: «Милый Андрюша, посылаю тебе на память ».

Папа ходил на охоту и застрелил двух зайцев.

Рассуждали с Сережей; он говорит, что я никогда ни в кого не была влюблена; это мне очень обидно, точно как будто только он может любить.

У нас у всех горло болит, мы покашливаем и оттого не ходили гулять.

21 ноября. Вторник.

Мы ждали Дельвигов, но они написали, что все кашляют и не могут приехать. Мы тоже все кашляем. Вечером танцевали.

26 ноября. Воскресенье.

Ветер и холод, но снега нет еще. Дельвиги опять не были. Утром рисовала с учителем подошву. Очень трудно сделать хорошенько тени. Эту неделю я не получила ни одной единицы и ни одной двойки. Целые два часа после урока рисования я сидела и пробовала сделать задачу на правила процентов и, наконец, только при помощи папа решила ее.

После обеда танцевали кадриль и вальс. Мы все не выходим, потому что у нас кашель. Илья ужасно несносен последнее время; и мы все с ним не очень дружны. Андрюша тоже очень нездоров, верно зубы идут. Гольга — или Сережа — ужасно надоел своим вальсом Штрауса «Du und Du».¹¹ Целый день его играет, но хорошенько его еще не выучил. Мне привезли вчера шубу новую из черного трико с черным барашком и кофточку тоже из трико с бархатом.

Вчера папа долго разговаривал с учителем рисования, нынче папа нам рассказал, что он с ним говорил про то, сколько он хочет за уроки. Папа спрашивал у директора, сколько ему надо дать; он сказал 10 рублей. Но вчера Симоненко сказал, что это ему много, что ему только шесть рублей нужно, потому что ему совсем не трудно нас учить. Потом с большим чувством рассказывал про свое хозяйство, что он прежде обедал в гостинице, а теперь он нанял себе кухарку и ее учит готовить, и ему это очень весело.

За обедом нынче говорили про соседа нашего Гиля (Heel). У него родился сын урод. И он тихонько от матери взял его в Москву в дом сирот, а оттуда берет ребенка вместо этого. Но урод не доехал до Москвы и умер⁵.

1 декабря 1978. Пятница.

По Брюсову календарю предсказано, что нынче выпадет снег. Так и есть: земля нынче утром вся покрыта снегом. Дай бог, чтобы он остался, а то так скучна эта длинная осень.

Получили письмо от баронов Дельвиг. Опять они не могут приехать. Все кашляют. Мы тоже кашляем. У самого барона было воспаление в легком, и он очень слаб. Дай бог, чтобы он скорей поправился, для него и для его детей.

Нынче папа рассказывал, что он учил свою тетю завязывать бант, потому что она не умела. Как через несколько десятков лет этому будут удивляться, потому что теперь уже все умеют.

2 декабря. Суббота.

Как все рады зиме! Когда мы встали утром, земля была покрыта на четверть аршина снегом. Вот скоро пойдут коньки, катанье с гор и прогулки в санях при лунном свете.

Папа в первый раз ездил на порошу и привез пять зайцев.

Училась вечером рисованию.

К девяти часам заболел Андрюша, все плачет, жмется и кричит от боли в желудке.

5 декабря. Вторник.

Получила письмо от Нади Дельвиг. Она пишет, что будет на трех балах. Я ей ужасно завидую. Но я надеюсь, что когда мне будет 16 лет, то и я также буду разъезжать. Росса прислала еще пьесу «Бедовая бабушка». Это нам понравилось, и мы это будем играть. Но то, что мы прежде выбрали, теперь мне не нравится, потому что там слишком много мужских ролей и я должна буду играть мужскую роль, и потому, что Наде придется очень мало играть. Ведь нельзя же мне взять себе самую лучшую роль, а ей почти что не играть совсем.

Снега очень много. Нынче утром было 7 градусов мороза. Мы еще не выходим, потому что у всех еще продолжается кашель. Андрюше, слава богу, гораздо лучше: он почти совсем здоров. Нынче я сломала брошку Annie; она на меня ужасно сердится.

1879

5 января 1879 г.

Вот уже ровно месяц, как я не писала свой дневник. С тех пор, как я бросила писать, была елка и мы театр играли. На елке мне подарили бинокль, бумажки с моим вензелем на 4 р. 50 к. Бабушка прислала мне кольцо из Петербурга. Еще мне мама, подарила сочинения папа¹, две вазы и флакон для туалета и еще английский роман «Jane Eyre».

Мы играли 3-го января «Бедовую бабушку» и «Вицмундир». «Бедовая бабушка» вышло хорошо, но «Вицмундир» довольно плохо, потому что Сережа, который играл главную роль, и Илюша — не знали своих ролей. Антоша и Росса Дельвиг играют очень хорошо, но Надя не так хорошо.

Коля я с тех пор, как перестала писать, видела раз у баронов, но он пробыл какие-нибудь полчаса.

Я купила себе за 20 копеек скамейку и несколько раз каталась с гор на ней, но на коньках я ни разу не каталась, потому что было очень много снега все время. Как пруд расчистят, опять нападает столько снега, что невозможно кататься. Раз на святках мы ночью на четырех одиночках ездили кататься, но были такие ужасные раскаты, что я ужасно боялась и нельзя было очень скоро ехать.

Я себе сшила немецкий костюм; уже мы несколько раз наряжались.

Коля на все святки уехал в Москву, так что я его ни разу не видела, а после святок я поеду в Москву, и опять мы не увидимся очень долго.

У нас на спектакле были очень страшные зрители: князь Оболенский с женой и князь Урусов. И столько дворовых и даже крестьян пришло, что зала была полнешенька.

У нас несколько дней гостил мой двоюродный брат Николенька Толстой с своей молодой женой. Она очень милая, и мы все ее очень полюбили. И Николай Николаевич Страхов².

Еще вчера у Лели на лице высыпала сыпь. Мама думает, что может быть корь, потому что еще к сыпи кашель. Она написала доктору письмо — спросить у него

совета — и вложила три рубля и отдала Annie, которая нынче уехала в Тулу. К двум часам она воротилась на извозчике и говорит, что вчера с вечера положила три письма в свой дорожный саквояж, а нынче, когда в Туле открыла его, то не нашла их. Верно, кто-нибудь пронюхал, что у нее там были деньги, и взял их. У нас в последнее время много вещей пропадало. Прежде всего, у Annie пропало 100 рублей, потом у мама 25 рублей, серебряная вилка, ложка, ножницы у мама и, наконец, вот эти три рубля. Видно, в доме какой-нибудь ловкий вор завелся. Дай бог, чтобы он скорей отыскался, а то на всех думаешь и не знаешь наверное — кто.

Папа нынче целый день лежит: у него сильная лихорадка. Мама просила его принять какое-нибудь лекарство, но он не хочет. Он не любит лекарства и никогда ничем не лечится. Мы почти все кашляем, так что очень может быть, что у нас сделается корь.

Мы приглашены на завтра к баронам Дельвиг. Я бы очень желала ехать, потому что завтра Коля должен приехать из Москвы и, может быть, будет у Дельвиг, но мы, верно, не поедем по случаю болезни папа и Илюши с Лелей. В воскресенье к нам собираются Оболенские, так что, верно, и тогда нам не придется съездить. Дай только бог, чтобы у нас кори не сделалось, а то все веселье пропадет. Мама написала письмо доктору Кнерцеру и описала ему болезнь мальчиков и спрашивает — корь ли это?

7 января 1879 года. Суббота.

Встала в 11 часов. Доктор пишет, что по всем признакам у мальчиков корь. Вот и поездки в Москву и в Тулу не состоятся. Как это досадно! Ходила гулять и каталась на скамейке. Лиза с Василем Ивановичем и с матерью уехали в Тулу. Я все время после завтрака читала «Jane Eyre» и писала дневник. Нынче утром я написала Наде письмо, что мы, верно, не приедем, и послала с Василем Ивановичем.

Приезжал священник с крестом. Папа не лучше, он все лежит. У Илюши все кашель, а у Лельки сильнее. Читала Prady по-английски; ужасно хохотала.

14 января. Воскресенье.

Вот началось учение. У меня в эту неделю уже две единицы были. Мы все собираемся в Москву, но вот у Сережи заболело горло, а для мама из Петербурга платья не присыпают. Она себе заказала черное шелковое платье, и до сих пор оно не готово.

Нынче я бы была в Туле, если бы у Сережи не заболело горло, и увидала бы Колю. Он приехал из Москвы, и когда Росса была на моих именинах 12-го, то обещала мне, что если я буду нынче, она мне приготовит Колю. Ах, боже мой, как досадно, что этот несносный Гольга заболел!

От завтрака до обеда катались на коньках и на скамейках.

Мы думали, что у Лели начинается корь, и послали за доктором, но он сказал, что это от духов, которыми он облил лицо.

10-го был Фет у нас и привез нам огромный ящик конфет³.

29 января 1879 года. Понедельник.